

Корельская свадьба.

Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе со-
сѣдей—русскихъ, до сихъ поръ еще имѣть много оригинального, своеобразнаго,
такого, что присуще только ей одной. Въ особенности много своеобразнаго въ обря-
дахъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляковъ, въ обрядахъ
свадебныхъ и погребальныхъ.

Свадбы въ Корелѣ по большей части бываютъ или осенью, до Филиппова
поста (Раштаванъ шюна), или же зимою послѣ Рождества (длягесь Раштавадъ).
Выборъ такого времени для заключенія браковъ— вполнѣ понятенъ. Осеннее и зимнее
время болѣе свободное для кореляка и, сравнительно, болѣе богатое....

Къ осени полевые работы всѣ покончены: сѣно выкошено и убрано, хлѣбъ
засѣянъ, при томъ, у каждого съ осени водится свой хлѣбъ, своя крупа и у боль-
шинства солѣное или вяленое (высушенное на солилѣ) мясо. Къ тому же, съ первыми
снѣгами въ корельскомъ краѣ начинаются и кой какіе заработки, дающіе мѣст-
нымъ жителямъ «деньги на расходы» (расходуойнъ). Вывозка бревенъ (ведо), рубка
древъ для лѣсопромышленниковъ, охота на лѣсную дичь,—все это въ общемъ даетъ
кореляку кой-какіе доходы, на которые она можетъ и водки закупить свадебныи
гостямъ, и отдать имъ подарками (ланьюйтада), и попа ублаготворить за вѣнчанье.

«А нужно-либо нашего Пекку (Петра) обѣничать въ этомъ году», скажетъ корелякъ-
семьянина въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, сидя за вязаньемъ сѣтки: «жена моя—
единственная хозяйка (зайндѣ) въ семье—стара теперъ стала, трудно ей одной справ-
ляться съ домомъ, нужна ей непремѣнно помощница, молодая невѣстка»... Скажетъ и за-
полнитъ на цѣлый вечеръ, еще болѣе углубясь въ свою механическую работу. Но слова
«рѣдкобая»—кореляка не пропали даромъ... Проходить недѣля, проходить другая, и вдругъ
въ воскресный или праздничный вечеръ созываются къ нему въ домъ ближайшіе родствен-
ники: братъ, сестра, крестный отецъ (ристижѣ), его крестная мать (ристимя), женихъ
снаряжается въ лучшее платье, и длинный рядъ лошадей, увѣшанныхъ бубенчиками, за-
пряженныхъ въ легкіе санки съ сидящими въ нихъ свадебными гостями, направляется
къ тому дому, где живетъ молодая дѣвушка, по возрасту—невѣста.

Женихъ съ родственниками входитъ въ домъ невѣсты и послѣ первыхъ привѣтствій
говорить: «прежде ходилъ къ вамъ для ходьбы, а теперъ пришелъ добрымъ молодцомъ» (эндѣ кѣюйнъ кѣюниште, нюю тулинт һувакъ шенѣзксь). Отецъ невѣсты и его семейные
радушки встрѣчаютъ «сватовъ» (сундайжидѣ) и приглашаютъ ихъ сѣсть за столъ въ по-
четномъ большомъ углу». Невѣста же убѣгаѣтъ вонъ изъ дома; если зимнее время, то
уходить въ деревню, въ домъ сосѣда, а если лѣтнее, то запирается въ своемъ чуланѣ и
здѣсь одѣвается въ самое лучшее платье, какое только у неї есть. Кстати замѣчу, обычай
требуетъ, чтобы каждая корельская дѣвушка, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоя-
тельной семье, имѣла непремѣнно шелковое или шерстяное платье, хотя изъ дешевенькой
матеріи, и суконное тѣплое пальто... Пока не справлена ей эта одежда, она до тѣхъ поръ
не считается настоящей невѣстой.

Тѣмъ временемъ, пока невѣста одѣвается, женихъ и его родственники, сидя за сто-
ломъ, ведутъ съ ея семейными обычнымъ мирнымъ разговоръ: «Что слышно (мидѣ куулувъ)?
какъ хлѣбъ въ этомъ году уродился, сколько скотины на дворѣ стоять, сколько денегъ за-
работали вывозкой бревенъ лѣсопромышленникамъ» и т. п.... Женщины же, какъ угорѣлые,

суетатся, приготавляя гостямъ угощениe: наливаютъ водой самовары, разводятъ на очагѣ огонь, мѣсять тесто для пироговъ; для подмоги (на поиощь) къ нимъ, обыкновенно, приходить дѣвушки, подруги невѣсты. Когда все приготовлено, когда скипятъ самовары, выпряжатъ пироги (такъ называемые «праженные»—кейтинь-пійрайдъ), приходитъ домой невѣста; она подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ сваты, и, поздоровавшись съ каждымъ изъ нихъ, дѣластъ общий поклонъ и говорить: «если гожусь, то ваша» (если падви, мина тайден); а иногда еѣ подводить къ гостямъ какая-нибудь бойкая старуха-сосѣдка и, кланяясь вѣтѣ съ ней, говорить: «вотъ тутъ ваша огонь-ласица» (вотъ сйтъ тайлъ тули-ребуой). Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствий начинается угощениe; угощаютъ чаемъ, водкой и праженными пирогами. Чай подаетъ непремѣнно невѣста и старается это дѣлать какъ можно грациознѣ и плавнѣ, боясь расплескать чай изъ чашекъ, что въ кореѣ считается признакомъ не хозяйственности.

Отпить чай, и гости садятся ужинать. Блюда на ужинѣ подаются самые обыкновенные, какія случатся; что сварено или спечено, то и ёдятъ гости: сварено мясо — и гости хлебаютъ щи съ мясомъ, сварена рыба — и они ёдятъ уху съ рыбой.. Послѣ ужина, когда со стола все уберутъ, на столъ снова разстилаются скатерть, и старикъ изъ гостей жених-отецъ ли то, а если неѣтъ его въ живыхъ, то или старшій братъ, или дядя — вынимаютъ изъ кармана деньги и раскладываютъ ихъ по столу, приглашая отца невѣсты взять изъ нихъ, сколько толь захочетъ. Денегъ выкладывается не одиноковое количество, кто сколько можетъ. Если женихъ — человѣкъ богатый, сынъ «состоятельца» крестьянина, то на столѣ появляются даже сотенные бумажки, но такіе случаи очень и очень рѣдки въ исторіи корельскихъ свадебъ. Обыкновенно же ограничиваются 15 илъ 20 рублями; это количество непремѣнно должно быть выложено, хотя какъ бы ни бѣдѣнъ былъ женихъ: ужъ лучше въ долгъ возметь, а рублей 15—20 выложить. Деньги изъ кармана вынимаются медленно, съ разстановками и съ нѣкоторымъ «бахвалствомъ». Подождѣть родственникъ жениха часть денегъ и говорить: «у меня больше неѣть, пошли въ деревню, просите въ долгъ», и потомъ снова достаетъ изъ кармана: «неѣть, у меня еще есть, не вончились, на втотъ разъ хватитъ...» Отецъ невѣсты (или братъ ея, или дядя, если неѣть въ живыхъ отца) береть деньги, или только часть ихъ и уходить со своими ближайшими родственниками въ чуланъ «на думу» (дуумалэ).

Здѣсь и рѣшаются вопросы: выдать ли дѣвицу замужъ или неѣть; если вопросъ этотъ большинствомъ голосовъ рѣшенъ положительно, приглашаютъ въ чуланъ невѣstu и у неї спрашиваютъ — согласна ли выйти замужъ за этого жениха? Согласіе, впрочемъ, рѣдко спрашивается отъ невѣсты-корелки. Всѣми брачными дѣлами вершатъ родители и старшие въ семье, «которые больше жили на свѣтѣ и потому больше и лучше все знаютъ». Приглашаютъ также потому и жениха; у него спрашиваются — на какихъ условіяхъ силь береть невѣstu? — береть ли просто одну невѣstu или хочетъ приданиаго: лошадь, корову, деньги... Условившись на счетъ приданиаго, тутъ же назначаютъ число шаферовъ (8—10) и шаферинъ (6—8) и выряживаются съ женихомъ по рублю денегъ на человѣка — проводника невѣсты. Если, напр., со стороны невѣсты будетъ проводниковъ 9 человѣкъ, которыхъ нужно будетъ одарить, то съ женихомъ рѣдять 9 рублей...

Сразу послѣ думы — «дууме, лубжедъ», невѣста накидываетъ на голову платокъ, наклоняетъ внизъ голову и жалобнымъ голосомъ протяжно причитываетъ сначала предъ иконами, а потомъ предъ родителями и родственниками...

Благословикать нюю, арманадъ сүндуй-
жедъ;

Благословикать омилэ озайжилэ,—

Түнисъ озисъ турбединилэ озайжилэ;

Изволикать, иналадъ сүндуйжедъ,

Благословите теперь, мыры «сүндү»,

Благословите на свое счастье (на свою
счастлив. жизнь);

Изъ тысячи счастій — на самое обиль-
ное счастье;

Дайте согласіе, чудесные «сүндү»,

Садойсь озимъ—сагедими...
Сагедими...

Ляхтенъ омилъ озайжилъ, орхедадъ сүн-
дүйжедъ;

Калынъ сүндүйжедъ, лйкутакать ми-
нусъ нудъ
Кюменизъ озайжизъ—кюлль озайжилъ...

Изъ сотни счастій выбрать самое полное
(букв.—густое);
Я начинаю жить самостоятельную жизнью
(букв.—иду на самостоятельное счастье),
Могуче «сүндү»!
Дорогие »сүндү», краните меня (по-
двиньте меня)
Изъ 10-ти счастій на самое превос-
ходейшее счастье (букв.—самое сытое,
полное сч.).

Плачетъ предъ отцомъ:

Вута ляхтенъ иююю эчинъ
Урой-кулдатъ армойштанидъ...
Эдъ ная кягенну, урой-кулдайне-армой-
жени,
Элявиксэ эройтай, кавнижъ-иho,

Казвіндъ—айгайжилъ...
Виксэ синя кулдайне-урой-каллажъ-ар-
нойжени,
Эдъ кягенну, да эройтидъ игяксъ...
Виксэ онъ синудайжъ

Илмойнъ сувимадъ суладэлту,
Урой-віеказъ-армойжени...
Виксэ онъ синудайжъ
Бійнудъ ведүйжилъ веселдүтэттү
Илмой верзомадъ...

Подождите, пойду теперь поищу
Золотаго, милого, мужественаго...
Вѣдь не дуналь—мужественный, золотой,
милый,
Живую иеня удалить отъ себя, прекрас-
ная радость,
Въ санью пору воспитанія (рошенія).
Вѣрно, ты, хоть и не думалъ,

Золотой, мужественный, дорогой, милый,
Но всѣ таки отѣлилъ меня отъ себя на
вѣки...

Вѣрно, тебя
Запекшися на воздухѣ умягчили,
Мужественный,—рѣзвый, милый!
Вѣрно, тебя
Винными водами развеселили
Всесвѣтные бродаги...

Плачетъ предъ матерью:

Онъ ная минуль-кювемель
Кюменидень куунуйжиденъ канделій,—
Онъ ная минуль-либужъ-лапсель

Риндайжизъ либуттай-найнэ,
Либужъ-армойжени...
Вачайжизъ кандай-найнэ,
Валгей армойжени...
Эдъ ная кягенну казватусь—айгайжиль
Илмой-айгамиль андада...

Мидѣ бо иююю синя рубежидъ
Вачасъ кандай-найнэ,
Валгей армойжени,
Илмой эзяттэттүй эройтаманъ?

Этъ ведь ин майтумидъ безчестидъ азуну,

Есть еще вѣдь у меня—пышкой,—
Десять мѣсяцевъ носившая...
Есть вѣдь у меня,—красиваго ребенка
(букв.—гладкаго реб.),
Воротъ разглажившая женщина,
Красивая, милая;
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая!
Вѣдь не думала ты въ пору рошенія
На всегдашнее время отѣлилъ меня
прочь!...
Зачѣй же теперь ты стала,
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая,
Мена, постоянно жившую вмѣстѣ, раз-
лучать?

Вѣдь, кажется, я никакого безчестного
поступка не сдѣлала?...

А рубежитте илмой-айгамиń анда маń...
 Вие ё олнуйжинъ вামадъ
 Каваңнедъ, кергедадъ көзайжедъ
 Ониль валгедильты вадайжиль...
 Олнуйжинъ вие ё нүвеми́-ласи

Кулдайжиль куннивойжиль...

Миeli армойженидъ, тэйденъ майлостийзъ...

Куй бо рубениенъ мина икогу

Илмой эляттомизъ эрониэмань?
 Миeli-армойженидъ,

Тэйденъ армойженизъ эрониэмань?
 Вие хотъ пидәнүйжитте, кавиңгендъ иночъ,

Кавиңнедэнъ луадуйжидэнъ кавнуйсъ.
 Вие хотъ пидәнүйжитте,
 Иналадъ армойженидъ,

Кавиңнедэнъ иккунъ шелихизъ...
 Хотъ вие пидәнүйжитте,
 Соредадъ армойженидъ,
 Срочитунъ столаильты шануйжидэнъ кав-
 нуйжизъ...

Онъ häй минулдайни
 Уксись вачайжизъ вуалитту,
 Валгей саккали, вуалийжени ласи;
 Кавнижъ ино, кандоини кандатту...

Мида бо сина кюллидъ армойженидъ

Эдъ кіелдайу,
 Найидэнъ кавпайжидэнъ азудеся?...
 Мина сивуңъ пидинъ суредъ недёждадъ,

А сина кюллидъ армойженидъ
 Эдъ кіелдайу,
 Паштайсъ пайвайжизъ шуолетту,
 Найвигъ оттайжени ласи!
 Куй бо мина рубениенъ,
 Айтакойжени ласи;

Тэйденъ артелайжизъ эродалемань?

Эдъ сина минудайни

А между тымъ теперь ты стала
 Разлучать меня навсегда...
 Я бы еще хотѣла пожить
 Въ эти прекрасные, рѣзвые годы
 На своей бѣлой волѣ (букв.—на своихъ
 бѣлыхъ... plur.):
 Я—шылкій ребенокъ, еще хотѣла бы
 остаться
 При своихъ прежнихъ золотыхъ почес-
 тахъ;
 Сильно милые, я осталась бы при ва-
 шихъ милостяхъ...
 Какже я теперь буду
 Разлучаться съ твоимъ, съ кѣмъ жила
 постоянно?

Очень милые,
 Какъ же я буду огъ вашихъ ласкъ
 отставать?...
 Хоть еще оставили бы меня,
 Прекрасные радостные,
 Въ прекрасно сдѣланномъ помѣщеніи
 (въ избѣ)...
 Хоть еще оставили бы меня,
 Радостные милые,
 У прекрасныхъ оконныхъ липинъ,...
 Стройные милые,
 Еще поддержали бы меня
 Въ избѣ за украшенными столами...

Плачетъ предъ братомъ:

Есть вѣдь еще у меня
 Въ одномъ брюхѣ скатанный,
 Бѣлый попрыгунъ, скатанное дитя,
 Прекрасный, веселый, чрезъ иошенье при-
 несенный...
 Почему же ты очень ииныхъ не отсовѣ-
 товаль
 Заключать эту торговую сдѣлку?
 Я на тебя возлагала большія надежды...
 А ты, между тымъ, сильно-милыхъ не
 отсовѣтоваль...
 Отъ яркаго солнышка убавленное,
 Солицу подобное дитя,
 Я въ недоумѣніи,
 Я не знаю—какъ буду
 Отъ вашихъ артелей отлучаться...
 Ты на меня ни разу дурными словами
 не прискрипнуль
 Но держалъ только, прекрасный, радост-
 ный,
 Чрезъ иошенье принесенный,

Ни виноель санайжигъ виркану...
Вай ё пиделдъ, кавніжъ иho,

Кандуойни кандетту,
Кавненідэнъ луадуйжидэнъ кавнуйжизъ...
Эль häй ни мітуминъ руадуйжигъ ру-
ачину,
Веселль кала, верзояйжени лапси...
Вай ё пидиль,—кавненілэ руадуйжил
мяндудъ,
Веселль ведүйжидэнъ туоянъ
Кавненідэнъ калайжидэнъ кейтаянъ...
Вай ё пидиль, сореяйжени лапси,
Соитаянну да паятеттаянну...
Вie häй, кавніжъ иho,
Кавненіль собайжиль кавніштэлдъ
Кавненілэ имайжиль кявудесь...
Куй бо нюю міна рубеданъ,
Аткаланіе лапси,
Тейденъ артеліжизъ эронемманъ?...
Тубейни лапси, сувредъ спассибодъ
Уленъ нўвиль обучайжиль
Кавненідэнъ каевиноданъ айгайжиль...
Куй бо нюю рубежидъ
Илмой элятеттүлой эройтамманъ?...
Вie ё олиуажинъ, вуалайжени лапси,
Оміль валгедиль валдайжиль...
Пядерайнэ лапси,—

Пяйвайжидэнъ валгедумиль валдайжиль
Намядъ кавненедъ кезайжедъ...

Въ прекрасно выстроенному помещени...
Вѣдь ни на какія работы ты не при-
нуждалъ меня,
Весёлая рыбка, рослое дитя!
Только, идя на чистую работу,
Ты заставляла меня присоить воду
(для питья)
И варить прекрасную рыбу...
Только и дѣла было мнѣ у тебя, строй-
ное дитя,
Что я шла и играла...
Вѣдь еще, прекрасная радость,
Украшала ты меня красивыми одеждами,
Когда я выбѣгала на ясный свѣт...
Какъ же я теперь буду—
Печальное дитя (называетъ себя),
Отъ вашихъ артелей отлучаться?...
Знойное (букв.—южное дитя)
Большое спасибо
За твои добрыя наставлениа,
Которые ты даваль мнѣ
Въ пору моего прекрасного воспитанія...
Какъ же теперь ты стала
Постоянно живущую вмѣстѣ разлучать?...
Еще я побыла бы, скатанное дитя,
На своей бѣлой волюшкѣ...
Несчастное я дитя!
Еще я побыла бы въ эти прекрасные
годы
На своей бѣлой, какъ день, волюшкѣ...

Плачеть предъ сестрой:

Отъ häй минуллайниль
Ўксисъ вачайжизъ вуалитту,
Вуалайжени лапси,
Озайжидэнъ опиниудъ!
Кюзелтинъ го синудъ кўлладъ армой-
женидъ.
Намидэнъ кавнайжидэнъ азудесь?...

Сианъ оледъ азэтанну илмой айтамидъ...

Мітумадъ віе эхки одданъ

Илмойнъ міелиденъ оттамидэнъ мілостида?
Отъ го айго армойженидэнъ армодъ

Илмой айтамизъ?...
Отъ го илмойнъ міелиденъ оттамизъ

Міли-армойженидэнъ мілостида?

Есть вѣдь у меня
Во одномъ брюхѣ скатанное,
Свалившееся дитя,
Только что отѣвѣдавшая счастья!...
Совѣтывались ли съ тобою мілые роди-
тели (букв.—до сыта мілые...)
Когда начинали производить эту тор-
говлю?...
Ты уже успѣла услуживать тѣмъ, кото-
рые постоянно на міру (разум.—сваты)...
Какія еще милости у отбирающихъ все-
свѣтныя мысли (т. е. у сватовъ)?...
Есть-ли у отбирающихъ всесвѣтныя мысли
Такія-же милости, какъ у очень милыхъ
родителей?...
Есть-ли у запекшихъ на воздухѣ
Такія-же ласки, какъ у ласковыхъ ми-
лыхъ?
Есть-ли у посягшихъ по свѣту

Онъ го илмой-сувинизъ

Такія-же помѣщенія, какъ у дорогихъ,
иныхъ?...

Сулиденъ армойжиденъ суладъ?...

Онъ го илмойнъ кандамизъ

Калландиненъ армойжиденъ кавиудъ?...

Плачетъ предъ крестной матерью:

Онъ гай минулъ
 Ристой ведүйжизъ либуттай-найзъ,
 Либужай армойжени...
 Ваной ведүйжизъ валгайдей,
 Валгель армойжени...
 Кулдайжизъ кунелайжизъ кубластатгей,
 Кулдайзъ армойжени...
 Кюзтганинъ го кулдадъ армойженидъ си-
     нудайхъ,
 Найиденъ кавтайжиденъ азудесь?...
 Калленись ведүйжизъ валгайдей найзъ,

Валгей армойжени,
 Отеттанинъ го калленедъ армойженидъ
 Ўксис дуумайжилъ,
 Найиденъ игайжиденъ кавтайжиденъ азу-
     десъ?...

Есть вѣдь еще у меня
 Обливавшая въ крецальныхъ водахъ
 Женщина, гладкая, мила!
 Въ восковыхъ водахъ выбѣлившая,
 Бѣлая мила...
 Въ золотой купели погружавшая,
 Золотая мила...
 Согрѣтавшись съ тобою золотые милье
     (родители),
 Когда начинали эту торговлю?...
 Въ дорогихъ водахъ выбѣлившая жен-
     щина,
 Бѣлая мила!
 Пригласили ли тебя дорогое, милье
 На единъ съ ними совѣтъ,
 Когда задумали эту торговлю, имѣющую
     значеніе на всю мою жизнь?..

Затѣмъ сватамъ невѣстина сторона дарить—кому рубаху, кому платокъ, и гости
сътно угощенные и одаренные подарками уважаютъ во свойси.

Въ томъ же случаѣ, когда невѣсты не хотятъ выдать замужъ, или не согла-
сятся съ условіями, предложенными женихомъ, отецъ невѣсты деньги, взяты со стола,
отдаетъ обратно и свадебныхъ гостей не дарить. И какъ только сваты уйдутъ, не-
вѣста бѣжитъ къ костру дровъ, береть отсюда три полѣна неколотыхъ, круглыхъ,
несѣть ихъ въ избу, въ большой уголъ и, не наклоняясь, бросаетъ на полъ изъ всей
силы; это дѣлается для того, чтобы скорѣе приходили другіе сваты.

На другой день (если свадьба состоится) родственники невѣсты (отецъ, браты,
зятья, сестры, крестный отецъ и маць невѣсты) идутъ въ гости въ домъ жениха—
осматривать его хозяйство (ведидъ катчонанъ). Здѣсь они угощаются — пить чай,
водку, єдять прижение пироги и назначаютъ день вѣнчанія. Въ богатыхъ домахъ,
когда женихъ и невѣста люди «зажиточные», день этотъ (день вѣнчанія) стагаєтъ
на цѣлую недѣлью впередъ, и во всѣ эти дни, до самаго дня вѣнчанія, задаются
всамыни угощенія: то въ домѣ невѣсты, то въ домѣ жениха. Кроме дневныхъ уго-
щеній, въ домѣ невѣсты ежедневно вечеромъ устраиваются «бесѣды» (букву «ѣ»
нужно читать, какъ ё), на которые приходитъ или привѣжаєтъ женихъ и танцуетъ
съ своей невѣстой (истати упомяну о танцахъ на корельской бѣсѣдѣ—ляиссе, кадриль
и «сөздине» или «чуку»). Днемъ невѣста не принимаетъ никакого участія въ уго-
щеніи гостей. Она въ это время, одѣтая въ самое простенькое платье, съ распущен-
ными волосами, съ низко опущенными на глаза плавкими, подходить вѣстѣ съ ста-
рухой плакальщицей къ каждому изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и плачетъ
предъ ними подъ слова прічитаній.

Наступаетъ потомъ и самый день вѣнчанія. Предъ отѣздомъ въ вѣнчанію невѣста
въ сопровожденіи дѣвушекъ, своихъ подругъ, отправляется въ бани. Подруги-дѣвушки
въ бани не заходить, а, сидя въ банныхъ сѣяхъ (предбанникѣ), поютъ пѣсни.
Пѣсень, исключительно только на этотъ случай существующихъ, въ король нѣтъ.

Песня та самая песня, которая обыкновенно распеваются за танцами на бенедахъ. Девушки—или женихъ, или который-нибудь изъ этого шаферовъ приносятъ сюда крендели, конфеты, а иногда и водку и всяческимъ угождастъ имъ; хотя, нужно заметить, что въ корельскомъ краѣ рѣдкая изъ женщинъ пьеть вино.—Невѣста гадаетъ временемъ умывается въ банѣ. Къ ней приглашается сюда старуха—захарка; эта последняя ватиращь тѣло невѣсты солью съ словами наговора: «какъ эта соль около меня ходить, такъ пусть такой-то (имя) будетъ около меня—во всѣ дни, и во всю здѣшнюю жизнь. Какъ поть на моемъ тѣлѣ сохнетъ, такъ пусть и душа его (имя) по мнѣ сохнетъ». (Куда нѣмнѣе супладъ квятотаинъ минусъ ўбира, муга анда Шекко минусъ ўбира, куни ѿуздъ, куни пайдъ, сикъ иланитъ пайдъ. Куда минунъ һиги һигынъ куйвавъ, муга һайенъ һенги минунъ куйваганъ). Соль эта по-тому не бросается, но бережно приносится изъ бани домой и полагается въ тѣсто, изъ которого во время свадьбы пекутъ широки исключительно только для жениха. По смыслу самого наговора, цѣль этихъ колдовствъ—привязать женника къ невѣстой, какъ можно болѣе тѣсными узами любви, нерасторжимыми до самой смерти..

Выходя изъ бани въ предбаникъ (кюлютъ сенчуюй), невѣста причитается предъ девушкиами, своими подругами:

Сувредъ спассибодъ, кавизнѣдъ иподъ,
Ку ѿленъ нуводъ кулю-шертіжедъ,

Илмой-вуалининъ лахтедэвъ, илмититте...

Ўденъ весселадъ кулю-шертіжедъ нѣмнѣ
олдинъ...

Кай оллите илемижидъ-иубти
Ламидъ ведудъ азуну...
Спассибо, ивомайжени ламседъ,
Ку изменайкидъ этто ииделнъ...

Вие кулкатъ, кулвайженидъ ламседъ,
Вие нѣмнѣ лопшумайжедъ кіерайжедъ:
Проводикать ѿденъ сувризъ рудостій-
жизнь
Ускаканъ армойженинъ уличайкиль...
Бутазъ ю-полтуайне ланси пойвелдэлэ-
мозъ
Суланъ армойженинъ сувризъ чупуйжизъ,
Саджакъ армойженинъ салмайжизъ...
Энде олдинъ сугаль армойженинъ
Сувризъ чупуйжизъ ивайжедъ кайчую-
жедъ...
Кудайжель армойженинъ мугомадъ олдинъ
сувредъ рудостицъ!..
Нюю онъ, поз-адижеини,

Суврезъ чупузъ сувризъ ивайженинъ...

Віказъ армойженин, рубежи війнамъ ве-
дійжинъ вакхтенанъ.

За невѣстой—взять ей къ вину—привязать женника со своими родственниками человѣкъ 10—20.

Большое спасибо, прекрасная радость,
Что очень хорошую баню (букв.—банныя
избы)

Стопили на уходѣ къ всесвѣтимъ бро-
дягамъ...
Очень веселая была эта баня...

Даже по уму инѣ
Приготовили вы тёплую воду...
Спасибо вамъ, потные дѣти,
Что вы по отчинкѣ ко мнѣ не измѣни-
лись...

Еще послушайте, — дѣти,
Послушайте меня въ послѣдній разъ:
Проводите меня съ большими весельемъ

По улицѣ надежного, дорогаго.
Дайте-ка я еще—перегрѣвшее дитя, по-
перекъ изломлюсь

Въ углахъ сто разъ дорогаго...
Прежде были у ласковаго, милаго
Въ большихъ углахъ медовые колодцы,—
Такія были большія удовольствія у золо-
таго милаго...

А теперь я, иктая-милая,
Сижу въ большомъ углу въ великой не-
чали...

Онъ, лукавый, дорогой, сталь иѣтъ
меня на минна води ..

Еще издали по дорогѣ—внимательные родственники невѣсты замѣчаютъ нѣзданъ жениха съ поѣзжанами и даютъ знать объ этомъ невѣстѣ.. И послѣдняя начинаетъ причитывать предъ родителями:

Качногдѣ нююю какснденъ пулнижодъ,
Каллнедѣ армойженидъ!
Уденъ сувредѣ тучадѣ ностанъ
Поњайжизъ пулуйжизъ-ші,
Равдайжиденъ рагенуїжиденъ керѣ:
Илмой-оттамадѣ тулданъ,
Оружой огайжедѣ,
Минунъ валгедиденъ валдайжиденъ ото-
міядѣ,
Минунъ кулдайжиденъ куннівуденъ ку-
луттаядѣ...
Вастадаэ, урой-валгей-армойжени,
Уденъ сувредѣ агъяттомадѣ
Артельвдѣ тулданъ...
Кулдайнэ армойжени,
Аээтталэ кувзикъ недѣликъ кулгеманъ;
Аээтталэ, орхей-армойжени,
Осроганъ сейнайжедѣ
Омилъ озро-муауїжилъ:
Анда кувдѣдѣ недѣлідѣ кулгеданъ...
Куй эй воятайжъ илмой айтамодъ

Ни шіяличи иоста, ни алачи тулда...
Аээтталэ, лудо міели-армойжени,
Лудо-луадожскойдѣ ламбайжедѣ;
Пана, міели-армойжени,
Меренъ парападѣ каладѣ кійміманъ...
Анда илмой-кувамадѣ
Кувзъ недѣлідѣ нідѣ качотанъ,
Эхки олэнъ иний недѣ агайжедѣ
Омилъ валгедиль валдайжиль...

аїа, урой-ианль-армойжени,
Изинайжидѣ пидѣ...

Сваты изъ сараев идутъ въ наѣу:

Каче, кулдайнэ-армойжени,
Кувнантъ поњась
Кулдёнинъ-ведўжинъ є и ваехтидѣ
Минунъ валгедадѣ валдайжедѣ!...
Каллижъ армойжени,
Каргединъ везинъ є и ваехтидѣ...

Какъ только женихъ съ гостями вѣдѣть въ сарай, сюда къ нему выходять двѣ родственницы невѣсты и выносятъ—одна кисель и колоко, а другая матерію для «чепчиковъ» (поварниковъ, по корельски—чепче).

Посмотрите теперь двухполовинчатые (т. е.
родители),

Дорогіе милые!
Очень большія облака поднимаются
Съ сѣверной стороны,
Тучи—сь же гѣзіны градомъ...
Идуть всесвѣтные грабители
Съ ружьями на плечахъ,
Шокиттели моей бѣлої воли,

Уничтожающіе (букв.—издерживающіе)
мои золотые царские годы...
Встрѣчай мужественный, бѣлый, милый;
Очень большія, безконечныя
Артели идутъ...
Золотой, милый!
Останови ихъ на шесть недѣль:
Пусть они понапрасну околоѣздить...
Сдѣлай, мощный милый,
На своихъ ячменныхъ поляхъ
Стѣны острожныя:
Пусть ониѣздить шесть недѣль взадъ и
впередъ:
Пусть постоянные бродяги
Ни чрезъ не могутъ перелѣтѣть,
Ни снизу пропихнуться...
Сдѣлай, очень милый,
Красивыя Ладожскія озерки
И спустя въ нихъ играть
Лучшія морскія рыбки,
Пусть свѣтъ (міръ) измѣряющіе
Любуются ими въ продолженіи шести не-
дѣль;
Хоть я тѣ времена буду жить
На своей бѣлої волѣ...
Смотри, мужественный, радостный, милый,
Не сдѣлай мнѣ немѣнъ...

Вотъ, золотой милый,
Ты и промѣняль меня на золотую воду
На днѣ сосуда...
Вотъ и промѣняль, дорогой-милый,
Мою бѣлую воду
На горькія воды...

Первая, которая выносить молоко и кисель, подходит къ каждой изъ шаферинъ—со стороны жениха—и предлагаетъ отвѣдать киселя съ молокомъ: «сватъ, говорить она, обращаясь къ которой-нибудь изъ нихъ, отвѣтай, пожалуйста, киселя съ колокомъ, отвѣтай: такую дальнюю дорогу ѿхала, слѣдуетъ я подкрѣпиться». Но «сватъ» упорно отказывается отъ предлагаемаго угощенія и получаетъ изъ руки другой женщины—родственницы невѣсты на чепчикъ. Точно также угощается и другую и третью, и т. д. всѣхъ шаферинъ, предлагая каждой кисель и молоко, но ни одна изъ нихъ не береть ни ложки, напередъ зная, что—сдѣлай она это, то потеряетъ другой болѣе цѣнныи подарокъ—чепчикъ. Когда шаферинъ получать по чепчику, всѣ гости, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются въ избу. Невѣста же, стоя у дверной линии, (косыка) ждѣть, когда войдетъ женихъ, и какъ только послѣдній переступитъ чрезъ порогъ, она бросается на него и, что есть силы, старается нѣсколько разъ повернуть его. Цѣль этого дѣйствія—сдѣлать изъ жениха послушнаго мужа, которымъ бы и въ жизни, можно было поворачивать также легко, какъ и теперь...

Иные женихи позволяютъ невѣстѣ повернуть себя, а иные же нѣтъ, и, не смотря на всѣ усилия ея, стоять крѣпко на ногахъ и чувствительными толчками отталкиваютъ её отъ себя. Свадебныхъ гостей жениха ждѣть въ избѣ цѣлый хоръ дѣвушекъ, которая сидя за столомъ поютъ пѣсни; пѣсни опять поются обычныи, какии употребляются на бесѣдахъ (на русскомъ языке); особенныхъ свадебныхъ пѣсень у короляковъ нѣтъ. Женихъ приносить поющими дѣвушкамъ крендели, конфеты и пряники и кладетъ ихъ на столъ. Невѣста береть узелокъ съ гостинцами и раздаетъ ихъ подругамъ. Послѣ этого дѣвушки уходить вонъ изъ-за стола, и на мѣсто ихъ садится женихъ со своими подружками. Гостямъ приносится угощеніе: чай, водка и праженые пироги. Послѣ же угощенія разстилаются на столѣ снова скатерть и приносятъ большой ржаной хлѣбъ, кладутъ на него икону и на столъ ставятъ соловку. Свадебные гости, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты поднимаются изъ-за стола, становятся предъ иконой, висящей въ углу на стѣнѣ, и начинаютъ молиться. Предъ иконой зажигается восковая свѣча или лампада. Невѣста становится рядомъ съ женихомъ, и оба кланяются одновременно три раза досамой земли. Потомъ отецъ невѣсты берѣть со стола хлѣбъ и икону и веодлагаетъ на головы жениха и невѣсты по очереди до трехъ разъ. Это же самое продѣлываютъ и другіе родственники невѣсты.—Еще до благословенія одинъ изъ шаферовъ жениховой стороны бѣть киutowицемъ (ручкой кнута) по полкѣ на лицевой сторонѣ дома и говорить: «эта сторона паша» (тѣмъ чура мейденъ), а, указывая на сторону къ дверямъ, говорить—«та сторона ваша» (сэ чура тайденъ).—Послѣ благословенія происходитъ взаимное «поздравленіе» молодыхъ (тер-вэнтѣтусь). Женихъ и невѣста цѣлюютъ другъ друга, и невѣста привязываетъ на шею жениху шелковый платокъ. Весь этотъ процессъ моленія предъ иконой и благословенія хлѣбомъ—короляки называють «рукобитъемъ» (каденъ ишку), хотя въ теперешнее время ничего похожаго на рукобитіе въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ. Послѣ «рукобитья» невѣста съ плакальщицей плачетъ предъ отцомъ, матерью, братьями и сестрами и жалуется, что они поступаютъ съ нею жестоко, немилосердно, отдавая въ неволю чужому человѣку.

Найдъ мѣтумадъ, минунъ ариойженъ,
Изменайдъ пидидъ!..
Мѣтумадъ шурмудъ ласкидъ
Сулидэнъ армойжидэнъ
Сувирѣнъ чипшлойнъ
Вуота, кўлветтаяйжени лапси,
Киззәлэнъ синуллайжъ:
Мидъ иамма олданъ
Казпайжедъ синуллайжъ?
Вай олданъ, субѣйни лапси,

Вотъ вѣдь какую измѣну,
Какой обманъ
Допустиль ты, мой милый,
Въ большихъ углахъ
Очень любезныхъ (т. е. родителей)?...
Подожди,—пылкое дитя,
Я спрошу у тебя:
Что это за торговыя дѣла у тебя?
Или ты, пламенное дитя,
Продаешь лошадь (букв.—Это узды про-
дажа)?...

Сүйчи кіанъ кавпайжедъ? ..
Вуота ишюю, туониво ланси,
Тоймиттәлемосъ...
Оннако ё, каллижъ ино,
Кандойни кандэтту,

Минунъ-каргіайженъ кавпа-шәдъ олданъ..
Оннако ё, вуаліяйне лапси,

Валгедидэнъ валдайжидэнъ кавладъ ол-
данъ
Энъ дё смієттину, инало-сіемевъ,
Намідъ изменайжидъ...
Нәйдъ, лудайжени лапси,
Ласкідъ шурмуль нангомадъ,

Кудамидъ кайкизъ казвіндо-айгайжизъ
Ни кіерадъ энъ аятынну...

Вуота эхки валдойделемосъ
Ониль валгедиль валдайжиль
Ковнэнисъ луадуйжизъ,

Куни олэнъ пайвяйнюжидэнъ-валгедумиль
валдайжиль...
Оннако ё отоймитаңъ
Валгедадъ валдайжедъ...
Вуота эхки куннівойчесъ,
Куни олэнъ кунні вуодэнъ валдайжиль,
Кулдайжизъ луадуйжизъ,
Тұндожидэнъ армойжидэнъ
Тұнделъ паранисъ луадуйжизъ...

Въ это же время,—во время притчаній происходит раздача подарковъ жениховой роднѣ: родному отцу и отцу крестному даютъ обыкновенно ситцу на рубашку; родной матери и крестной—по сорочкѣ, шаферамъ—по 5 аршинъ холста и одинъ или два ситцевыхъ платка, въ богатыхъ же домахъ, вместо холста, даютъ кумачъ—аршива 4 или 5; шаферинамъ (салынайне) по сорочкѣ и чепчику каждой. Шафера перевязываютъ свои подарки чрезъ плечо (на манеръ, какъ иногда дѣлаютъ діаконы съ орапемъ) и носять ихъ во все времена свадьбы.

Невѣста, исплакавшись предъ всеми своими родственниками, подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ гости жениха и, причитывая, просить гостей одарить ей подарками. Женихъ и его родственники даютъ ей деньги, кто сколько можетъ: кто три, кто пять кошѣекъ, а кто и больше. Потомъ невѣста снова подходитъ къ своимъ родителямъ, которые на этотъ разъ садятся рядомъ на одну скамейку, и, причитывая, просить у нихъ тёплой одежды—шубы, шубное одѣяло (катухке), просить—корову и овцу.

Иштугатоксанъ вай, иналадъ армойжедъ...
Вуота мина нымядъ лонудъ кіерайжадъ
Пакиченъ калләниль армойжениль
Каксидэнъ кіераллижедъ...
Андагадъ, пядерядъ армойжениль.

Подожди теперь туониво дита,—
Подожди я приду въ себя...
Кажется, дорогая радость,
Чрезъ ношенье принесенный,—
Кажется, моей горькой головы продажа
происходить...
Сватанное дита!
Кажется, продажа моей бѣлой воли про-
исходить...
Ужъ не ожидала я совсѣмъ, радостное
стѣма,
Такой измѣны...
Видишь, прекрасное дита,
Какой обманъ ты допустилъ,
Котораго ни разу, во всю мою жизнь съ
тобою,

Я и не представляла...
Подожди, хоть еще понѣжусь (букв.—по-
вольничача)

На своей бѣлой волѣ
Въ прекрасныхъ строеніяхъ,—
Понѣжусь,—пока я еще на своей волѣ,
бѣлой, какъ день...
Кажется, отоймутъ бѣлую волю...

А поэтому подожди,—хоть пороскошичаю,
Пока я на своей роскошной волѣ,—
Пока я въ золотыхъ помѣщеніяхъ
Знакомыхъ-милыхъ (т. е. родителей),
Въ строеніяхъ, изъ тысячи лучшихъ...

Присядьте-ка, радостные милые...
Подождите—я въ эти послѣдние разы
Попрошу у васъ, дорогихъ-милыхъ,
Дважды-переиѣнную одежду...
Дайте, печальные милые,

Илмойнъ пайвиденъ оттаминъ ляхтадесь,
Пайвилэ вастаңъ собадъ паштаандъ...
Андагадъ, версоядъ армойженидъ,
Везилэ вастаңъ лайкюядъ собайжедъ,
Кавиэндэй армойжедъ,
Андагадъ кавиуйжедъ піянюйжилэ...
Андагадъ, лямидъ армойженидъ,

Лямимъ ваттегизъ собайжедъ...
Эй ку панда илмойгъ-оттайдъ
Ноңыжилэ шулуйжилэ...
Андагадъ, калландэй армойженидъ,
Дялгайжиденъ кавиуйжедъ...

Андагадъ, кудайжедъ армойженидъ,
Куда иль куюйжиль кудгайдъ...
Садожадъ армойженидъ,
Андагатте сары-піянюдэдъ
Илмойнъ савштэттүйнъ ляхтадесь...

Кергедэдъ армойженидъ.
Андагадъ келденъ кандайдъ...
Кай андагадъ, күлль армойженидъ,

Күлляжедъ приданнуйтъ...
Эй ку родида илмой кувамизъ

Кувзъ недәлайжидъ кувлойтуксидъ?...
Эй ку родида илмой пайвнинъ оттамизъ
Пайвяллижидъ пайветүксидъ?...
Пассибо кайкизъ, какиденъ шулужодъ,
Калландэй армойженидъ!...
Оппигадъ ё віе, валгедадъ армойже-
нидъ,
Куни олэнъ тәйдәнъ валгедиль ваддай-
жиль

Минуль-лейнайяль лапсэль
Лендаядъ ліеменүйжедъ...

Кулиянъ піянюйжиденъ кучермуйжедъ,
Куни олэнъ тәйдәнъ полвндиңъ шалюй-
жиль,
Параңадъ армойжедъ!

Пандаңъ минунъ лендаядъ ліеменүгедъ

Кувзилэ кучермуйжилэ
И пайвяйжиденъ пайветтүмяттöмиле сія-
нуйжилэ...
Сувредъ спассибодъ, судадъ армойженидъ,
Каку кайкель приданнуйтъ
Көллититтэ...

Миң, уходящей къ всесвѣтнымъ бродягамъ,
На солнцѣ сверкающую одежду,
Отражашуюся въ плещущейся водѣ...
Дайте украшения на голову;
Дайте, ласковые милые,
Изъ теплого сукна одежду:
Чтобы да не поставили меня всесвѣтные
грабители

На сѣверную сторону...
Дайте, дорогие милые,
На ноги украшение;
Дайте, золотые милые,
По золотымъ дорожкамъ скользящіе (раз-
ум.— сапоги)...

Щедрые-милые,
Дайте рогатыя головы (корову)
Миң, уходящей къ всесвѣтнымъ нищимъ...
Ясные милые,
Дайте также носящія колокола (что-н.
изъ скота)...

Все дайте, довольные милые,—
Все богатое приданное.. .
Что-бы иначе—не было отъ всесвѣтныхъ
бродягъ

Шести недѣльныхъ попрековъ,
Что-бы не было у меня предъ всесвѣти.
грабителями
На лицѣ солнечного загара (не было
стыдно)...
Спасибо за все, двухъ-половинчатые (т. е.
родители);

Спасибо вамъ, дорогие милые!...
Пощупайте еще, бѣлые-милые,
Пока я на вашихъ бѣлыхъ воляхъ,
Пощупайте—у меня, льняного ребенка,

Мой развѣвающейся ленъ (волосы),

Кудри-холодной головы,
Пощупайте, пока я еще на вашихъ колѣ-
няхъ,

Лучшіе милые.
Положать мой развѣвающейся ленъ

На шесть кудерокъ (косы)
И въ такія мѣста, куда не проникнетъ
солнечный загарь...
Большое спасибо вамъ, мои милые,
За то, что всячими подарками меня награ-
дили (букв.-насытили)...

Послѣ окончанія этихъ причитаній, на плечи ей накидываютъ шубное одѣяло (катахе) иѣхомъ вверхъ и уводятъ въ чуланъ. Здѣсь начинается одѣванье невѣсты къ вѣнцу. На полу чулана разстилается выдѣланная овечья шкура, а если въ домѣ ея нѣть, то и шуба, иѣхомъ вверхъ, и подъ ноги невѣсты, подъ шкуру кладутъ топоръ и шилу: это для богатой жизни. Невѣсту раздѣваютъ до ногъ, и въ чуланъ къ ней приводятъ жениха. Женихъ долженъ взять голую невѣсту и посадить ей къ себѣ на колѣни. Подержать такъ нѣсколько времени на колѣняхъ, она молча уходитъ вонъ и опять возвращается въ избу къ гостямъ. Значенія этого дѣйствія инѣ никакъ не удалось узнать. (Думаютъ, что все это продѣливается съ цѣлью возвѣдти въ женѣхѣ страшное чувство къ невѣстѣ, что между королями отожествляется съ любовью). Потомъ, братъ невѣсты одѣваетъ сестрѣ чулки и подъ пятки въ сапоги кладеть по двугривенной монетѣ,— для выты будущихъ дѣтей, для чистоты ихъ; а иные же берутъ 3 зерна житныхъ (ячменныхъ), 3 коноплианныхъ, 3 небольшихъ камешка, и все это, связавъ въ одинъ узелокъ, кладутъ подъ лѣвую пяту; относительно послѣднаго обряда даютъ, обыкновенно, такое объясненіе: «чтобы свадьба не разстроилась со стороны родственниковъ жениха, напр. со стороны его отца, дяди, которые во время свадьбы, постоянно угожаясь водкой, бываютъ очень капризны; вотъ для этого-то невѣста и кладетъ подъ лѣвую пяту узелокъ съ зернами ячнѣи и конопли и съ тремя камешками; это средство очень годится...»

Одѣвъ чистую сорочку, невѣста умывается; къ ней снова въ чуланъ приглашается женихъ. Послѣдній также долженъ умыться въ той водѣ, въ которой до него умывалась невѣста. «Иные женихи», замѣтила при этомъ моя разсказчица, «которые женятся по своей волѣ, по любви,—охотноѣдутъ въ чуланъ, а иныхъ едва-едва уговоришъ пойти,—не идуть-да и все тутъ». Подъ платье, въ пазуху невѣста кладѣтъ или кусочекъ мыла, или же копѣйку и это выбрасывается въ церкви во время вѣнчанія. Зачѣмъ это? «А чтобы избавиться отъ чирьевъ» (вередовъ), которые будто-бы всегда въ изобилии появляются на тѣлѣ у невѣсты, при взглядѣ ея на сучки церковныхъ стѣнъ. Отъ хлѣба, который мать и отецъ благословляютъ невѣсту, она также отрѣзываѣтъ крошки и кладѣтъ ее между грудей, у вѣнца стоять съ нею и съ нею же ѳдетъ въ домъ жениха, гдѣ и єсть по немногу, чтобы не скучать, не тосковать по родительскомъ дому. Нѣкоторыя же невѣсты полагаютъ въ пазуху еще кромочку хлѣба и, послѣ вѣнчанія, бережно сохраняютъ ее въ сундуки,—для родовъ будто бы очень годится; сокращаютъ также ту скатерть, въ которую было завернутъ благословленный хлѣбъ; ею покрываютъ дѣтей во время припадка родилца...

Наконецъ, одѣтая невѣста приходить изъ чулана въ избу. При входѣ въ избу ее встрѣчаютъ ея же родственники съ ухватами, помялами и кочергами въ рукахъ и не позволяютъ ей пройти къ столу, къ жениху... И только водка жениха обезоруживаетъ ихъ... Когда невѣста подойдѣтъ къ столу, женихъ поднимается со скамьи, беретъ ее за руку и трижды повертываетъ предъ столомъ; цѣль также, что и у невѣсты при продѣливаніи этого же дѣйствія—имѣть послушную жену. Затѣмъ садятся рядомъ на минутку другую за столъ—и начинаются сборы къ вѣнцу: гости одѣваютъ шубы и шапки, опоясываются кушаками, садятся въ сани и ѳдуть въ церковь. Весь путь отъ дома невѣсты къ церкви и отъ церкви къ дому жениха обставляется по окраинамъ соломенными снопами. Снопы эти приносятся крестьянами—сосѣдями и ими же зажигаются во время слѣдованія жениха и невѣсты въ церковь, а потомъ и изъ церкви. Испуганные кони, осыпаемые цѣлыми тучами огненныхъ искръ, бросаются изъ стороны въ сторону, поднимаются на дыбы, ржутъ необыкновеннымъ образомъ, забрасываютъ заднія ноги въ сани къ сѣдокамъ... И за все это доставляемое удовольствіе крестьяне, зажегши солому, получаютъ на водку отъ жениха или отъ его шаферовъ. Ребятишки также не отстаютъ отъ своихъ родителей въ умѣнїи получить «свадебнаго»; они строятъ на пути огорода, которую синяютъ только за деньги; или же—протягиваютъ чрезъ дорогу нитку, натерту недѣлжимъ саломъ, чего лошади также очень и очень боятся. При входѣ въ церковь одна изъ родственницъ невѣсты поднимаетъ у послѣдней подолы, осторегаясь, чтобы они не коснулись пола и порога церковного,—и это съ тою же цѣлью, зачѣмъ полагается въ пазуху копѣйка

или кусочек мыла, т. е. чтобы у невесты не было чирьевъ. Въ церкви женихъ и невеста стоять, наступить ногой (женихъ лѣвой, а невеста правой) на платокъ или кусочекъ холста. Замѣчаютъ при этомъ—кто первый наступить ногой на холстъ? Наступившій первый—будетъ господиномъ въ дому, старшинъ въ семье... Вѣнчальная свѣчи иные сохраняютъ, а иные же ложаютъ надъ головами обвенчанныхъ (кто-нибудь изъ родственницъ жениха). Обращаютъ также вниманіе на величину свѣчей: чья свѣча длиннее, тогдь дольше проживеть...

По выходѣ изъ церкви, невеста не должна первая заговорить съ женихомъ, пока тогдь не заговоритъ раньше; дѣлается это для того, чтобы имѣть власть надъ мужемъ. Жениха и невесту, возвращающихся отъ вѣнца, встрѣчаетъ мать жениха, одѣтая въ шубу иѣхомъ вверхъ. Она осыпаетъ молодыхъ зѣрнами ячменя и пухомъ (чтобы молодые жили богато). Потомъ, отецъ жениха и мать невесты (въ прежнемъ же нарядѣ) благословляютъ ихъ.

Погребальные обряды кореляковъ.

Въ Корельѣ, какъ только кто умретъ—мужчина то или женщина—все равно, тотъ-члъ родственники умершаго со слезами и причитаньями приглашаютъ нѣсколькихъ старухъ для оновенія трупа. Трупъ кладутъ на полъ, на солому и моютъ его водой и мыломъ. Потомъ омытый трупъ поднимаются на лавку въ большомъ углу и расстираютъ его головой къ иконамъ. Подъ него подстилаютъ солому. На окно, подъ которого лежитъ трупъ, поставляютъ чашку чаю, а въ иныхъ домахъ и кофе,—блюдо съ пирогами и чашку съ холодной водой. Для чего все это?—Первые два блюда (чай и пироги) для того, чтобы душа покойника, пока находится на землѣ, могла отвѣдать кушаньевъ въ своеѣ родномъ дому; а вода полагается для того, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться въ «холодной водушкѣ». Душу кореляки представляютъ или въ видѣ пара, или въ образѣ птички, большою частью ласточки, а иные и въ видѣ чайки. Держать трупъ въ дому обыкновенно днія 2 или 3. По ночамъ «караулить умершаго»—куолайдъ вардюйтъ собирается множество старухъ и стариковъ, которые сказками и различными занимательными рассказами коротаютъ длинную ночь: рассказываютъ о мертвцахъ, о привидѣніяхъ, о лѣшихъ, водяникахъ, домовыхъ и пр...

Гробъ дѣлается самый обыкновенный, изъ досокъ; только младенцы погребаются въ выдолбленныхъ чурбанахъ-гробахъ. Закрытый гробъ младенца ничѣмъ не отличается отъ круглого полѣна; и такое близкое сходство однажды подало поводъ къ большими недоразумѣніямъ.

Одинъ крестьянинъ принесъ на погостъ трупъ своего ребенка въ гробикѣ-чурбѣнѣ. Было еще раннее утро, и батюшка крѣпко почивалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Чтобы не беспокоить его, крестьянинъ ткнулъ гробикъ въ поповскій костеръ (чтобы собаки не достали), а самъ пошелъ къ знакомымъ крестьянамъ спровѣтить кой-какія дѣла. Тѣмъ временемъ проснулась попадья. Ничего не зная о принесенномъ покойнику, она первый дѣломъ съ утра стала топить печь: сходила на улицу, принесла въ избу дровъ и стала бросать ихъ въ печь; какъ бросить одно изъ круглыхъ полѣньевъ, и что же?... Оно моментально распалось на двѣ части, и изъ него выпалъ трупъ младенца... Въ дому началась тревога, крикъ, шумъ, слезы... И только возвратившися отъ знакомыхъ крестьянинъ объяснилъ въ чёмъ дѣло. «Смотри, впередъ этого у меня не сѣть дѣлать», строго замѣтилъ ему священникъ..., что гробы для младенцевъ до сихъ поръ дѣлаются долбленные.

Съ боку въ гробахъ для взрослыхъ прорѣзывается небольшое отверстіе, въ которое вставляется стекло и дѣлается такимъ образомъ что-то въ родѣ небольшаго окна.

Покойника одѣваютъ въ чистую, вымытую одежду (изрѣдка только щется новая одежда), и на грудь ему кладутъ небольшую белую холщевую трапочку. Всякій, кто приходитъ на домъ поклониться праху умершаго, кланяется иѣсколько разъ иконамъ, потомъ подходитъ къ трупу, береть въ руки трапочку и машетъ ею поверхъ трупа по направлению отъ головы къ ногамъ и обратно. Въ гробъ въ изголовье покойника полагаютъ вѣничный листъ и мелкие стружки... Солома, на которой лежать трупъ, и щепки отъ гроба—бросаютъ въ воду, и послѣднія (т. е. щепки), по мнѣнію короляковъ, тогчась же тонуть и никогда не всплываютъ на поверхность воды. Встрѣтиться съ гробомъ покойника, когда его несутъ въ церковь или изъ церкви,—считается за дурное предзнаменованіе. Когда тѣло отпоютъ и гробъ понесутъ вонъ изъ церкви на кладбище, ближайшіе родственники умершаго—женский поль, начинаютъ причитывать еще въ самой церкви.

Съ растрѣпанными косами, съ сбитыми съ головы платками, онъ кричать во весь духъ, кланяются иѣстными иконамъ и съ причитаньями же идуть изъ кладбище. Въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ копѣйку—откупаютъ мѣсто для умершаго. Гробъ опускаютъ въ могилу на кушакахъ или на холстѣ, который потомъ идетъ въ пользу церковнаго причта.

Послѣ погребенія устраивается для гостей поминальный обѣдъ—«веро». За обѣдомъ поминаютъ умершаго кутей, которая приготовляется изъ рослой ржи, и вареными горохомъ. По представлениію короляковъ, душа умершаго въ продолженіи сорока дней послѣ смерти находится на землѣ: посѣщаетъ свой домъ, осматриваетъ свое прежнее хозяйство и дѣлаетъ даже распоряженія—сплыть такому-тососѣду рубашку, подарить такому-то его новый каftантъ, и такія посмертныя распоряженія исполняются вточности.

Въ сороковой день (*«мустайжетъ»*—чернины) совершаются по умершемъ поминки. Заказывается обѣдня и приготовляется для гостей обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ изъ церкви на обѣдъ, встрѣчаютъ родственники умершаго съ причитаньями, съ подушкой въ рукахъ или на головѣ. По объясненію короляковъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что вмѣсть съ «ионами» приходить изъ церкви въ домъ душа умершаго, ее то и принимаютъ родственники на подушку, несутъ въ домъ и кладутъ на печку. На печку предъ подушкой ставить приборъ и накладываютъ цѣлую гору цироговъ—пусть усопшій угощается. Окно въ домѣ, предъ столомъ, открываютъ (а если зимнее время, то, опустивъ полотенце, снова закрываютъ его) и изъ него опускаютъ изъ улицы конецъ полотенца, другой же конецъ его поднимаютъ на столъ,—этимъ устраивается путь въ домъ для усопшаго.

За столомъ также оставляется одно мѣсто, никѣмъ не занятый; на него кладутъ пироги, хлѣбъ и ложку, и никто изъ гостей во время обѣда имъ не пользуется; этотъ приборъ также предназначается для умершаго, который, по убѣждѣнію короляковъ, невидимо присутствуетъ за обѣдомъ.

Приведу для иллюстраціи одинъ случай посѣщенія иервтымъ своего дома, слышанный мною въ Корель. «Разъ это я на какунѣ *«мустай жидъ»*, рассказывалъ королякъ, идѣвшій въ сороковой день своего умершаго брата, возвращація вечеромъ домой. Быдиль я на погость, въ лавочку—закупить на *«веро»* постного масла да гороховой крупы. Бду я тихонко и напѣвамъ: Господи Сусей Христосъ, Сина Вожей,—помилуй насть, вдругъ гляжу на дорогѣ стоять мужчина, подѣхалъ ближе, гляжу—брать, умершій 40 дней тому назадъ, стоять въ той самой одеждѣ, въ которой былъ погребенъ. Подѣхалъ я къ нему, слышу говорить: «Я, братъ, къ тебѣ єду на *«веро»*, подвези, пожалуйста, меня». Я ужъ ни живъ, ни иервть—стегнула скорѣе лошадь и помчалась во весь духъ домой; оглянувшись, такъ позади иена сидѣть умершій братъ. Я еще шибче ногами лошадь.. всю дорогу, до самого дома, видѣть покойника, а какъ только подѣхалъ къ домовому крыльцу—вдругъ скрылся, должно быть въ домѣ прошелъ. Подѣхалъ это я къ крыльцу, соскочилъ вторыхъ съ саней—недосугъ даже лошади распрагать—спрашивалъ у жены: приходилъ кто-нибудь сейчасъ въ избу?—Нѣть, говорить, никого не было, никто сейчасъ не приходилъ, была соседка—Катти, такъ ужъ чѣмъ

тому назадъ, какъ ушла... Перекрестиль я на ночь всѣ двери и окна, лѣгъ спать, благословясь, и ничего, съ Богомъ, во всю ночь не привидѣлось... И послѣ этого ни разу никогда болѣе не видывалъ иергвѣцовъ»...

Кромѣ сорокового дня, поминовѣніе умершихъ совершается еще въ такъ называемыя родительскія субботы. Въ эти дни бабы—корелки напекаютъ множество пироговъ, блиновъ, рыбниковъ—и все это изъ большихъ блюдахъ несутъ въ церковь. Отстоявъ обѣдю и выслушавъ панихиду, богоомольцы направляются на кладбище. Положить—это баба блюдо съ пирогами на могильный холмикъ, сама подсѣдеть рядомъ, подопрѣть щеку рукой и давай плакать и причитывать,—и это продолжается полчаса, а иногда и целый часъ... Наплакавшись вдоволь, она потомъ раздаетъ пироги нищимъ, прося ихъ помолиться о упокоеніи души такого то,—и спокойно возвращается домой, исполнивъ долгъ по отношенію къ умершимъ сродникамъ.

Причитанья надъ покойникомъ.

(До омовенія трупа).

Вастаттинъ-го валгедадъ сундудъ?
Отэттинъ-го орхедадъ сундудъ?
Ойгедазъ кидуйжезъ,
Питканъ матканъ мяндудъ?
Віединъ-го виіандилэ нурмуйжилэ,
Вастаттинъ-го валгединъ туонуксу-
жидэнъ-керѣ,
Урой валгедъ-армойжени?
Віединъ-го ляминъ пачайжилэ,
Сорей армойжени?
Паидинъ-го столайжидэнъ-піанъ,
Питкиденъ маткайжидэнъ мяндудъ?
Озутэттинъ-го калләнить армойжидъ,
Амму аләннужидъ;

Отэттинъ-го юсиинъ артелійжинъ,
Тундустантинъ-го, сула-армойжени, си-
иудайжъ?

Встрѣтили-ли тебя бѣлые «сундудъ»?
Взяли-ли тебя «орхедадъ-сундудъ»
За правую рученьку,
Дальную дорогу прошедшаго?
Свѣли-ли они тебя на зелёную муравку,
Встрѣтили-ли тебя, «урой-бѣло-милый»,

Съ бѣлыми свѣчами,
Подняли-ли на теплымъ печки,
Посадили-ли за столъ тебя,
«Сорей-милый»?
Показали-ли они тебѣ дорогихъ-милыхъ,
Давно опустившихся;
Взяли-ли они тебя въ свои артели (компа-
нии).
Узнали-ли тебя, очень-милый?

(Послѣ омовенія).

Качо июю, урой-каллажъ-армойжени,
Валгединъ вакки-собайжинъ салгиттеттү,
Ойгедилэ пуңуйжилэ ойгендәлту!
Бугта кюзденъ, күлль-армойжени,

Дѣго оләдъ суувриденъ сундуйжиденъ
эдессы?
Паидинъ-го, соредь-армойжени,
Срочитунъ столанъ тагуйжинъ,
Кудайжиденъ күннүвуденъ,—тагасъ?
Күллитетдинъ-го күлляжексъ
Питканъ матканъ мяндесъ?..

Вотъ теперь, «урой»-дорогой-милый,
Наряженъ ты въ бѣлые необычныя одежды,
На прямые деревья (скамьи) расправлень.
Подожди спрошу я у тебя, «күлль»—
милый (күлляль—до сыта);
Уже ли ты предсталь предъ лицо вели-
кихъ «сундудъ»?
Посадили-ли они тебя, «соредь»—милый,
За строченные (украшенные) столы,—
Столы золоченые царскіе?
Напитали-ли они тебя до сыта,
Длинную дороженьку прошедшаго?
(Далѣе идутъ вопросы первого причи-
танья).

Діятидъ шенидъ лапсуйжидъ
 Айгайжиксъ армойтомайжиксъ,
 Шендаръ-нейнайжидэнъ шенүмаксъ
 Муанъ-нейнайжидэнъ надалумаксъ.

Оставилъ ты послѣ себя маленькихъ дѣ-
 тушекъ,
 Безвременныхъ (преждевременныхъ) си-
 ротиночекъ,
 Какъ трава межи маленькихъ,
 Какъ дубровка — пазенъкихъ...

(Когда въ сарѣ начнутъ дѣлать гробъ).

Опи, кўлль-армойжени,
 Кўмменилэ кўндўжилэ кўгайдалтаксонъ,
 Алләниуйжилэ аскелуйжилэ азэтэлда-
 ксанъ.
 Опи-вай, кулдайнэ — армойжени, куон-
 дуда...
 Куондутэлкать, кулдай жедь сўндўжедъ,
 Изволикать, арманаль сўндўжедъ.
 Опи-вай каксила каткениуйжилэ дялгай
 жиле
 Кабахтэлдаксонъ, опи, урой - каллижъ-
 армойжени. .
 Синула, кулдъ-армазъ—лапсуйжени,
 Азэтэлтанъ игайжедъ кодийжедъ.
 Лякка, сула-армойжени, каводъ,
 Синула луадитуль игайжедъ кодийжедъ...
 Луадигатть урой-сула-армойженилэ
 Игайжедъ кодийжедъ!
 Кай дё онъ азэтэтту,

Кай онъ луадитту краватійжедъ...
 Азэтэлкать каллижъ армой женилэ
 Шелузъ - ишнайдэй шэскүй - лив-
 дувъ ювненайжизъ,
 Суувриданъ сўндўжидэнъ эденъ лах-
 тедэзъ...
 Дё онъ кай азэтэтту,
 Кай онъ луадитту...

Попробуй, «кулль-милый (до сыта—ми-
 лый),
 На десять нокотковъ приподняться,
 Попробуй слабенькие шажки дѣлать.
 Попробуй, золотой-милый,
 Очувствоваться (приди въ себя отъ сна).
 Разбудите его, золотые - милые - сўн-
 дўдъ,
 Пожалуйста, пробудите!!
 Попробуй на дѣвъ надломившися ножки
 привскочить,
 Попробуй, «урой»-дорогой-милый.
 Тебѣ, милое-золотое-дитятко,
 Вѣчные дома строить;
 Пойдемъ, «сула»-милый,
 Посмотришь на нихъ,
 Для тебя приготовленныхъ.
 Стройте (обращается плакальщица къ плот-
 никамъ) «урой»-«сула»-милому
 вѣчные дома!

Уже всѣ налажено,
 Уже кровати для него готовы.
 Набейте ему подушки пухомъ ласточекъ,—
 Ему, милому-дорогоиу,
 Къ великимъ «сўндў» уходящему.
 Уже все налажено,
 Все приготовлено.

Н. Лъсковъ.

«Віандўйбдъ».

Время отъ кануна Иванова дня (23-го июня) до Петрова дня (29-го) кореляками считается за время святое — «віандўйбдъ». Въ продолженіи всего этого времени всѣ растенія — травы, цветы, листья на деревьяхъ и самая роса считаются цѣлебными, годящимися во всякое мѣсто «дѣга сіянъ патанъ». Во весь этотъ періодъ не моютъ половь, не мочатъ вѣнниковъ и помяль, не моютъ бѣлья, не мажутъ дѣгтемъ салоговъ и не ходятъ въ баню... Кстати замѣчу, ходить въ баню для кореляковъ величайшее удовольствіе. Въ лѣтніе дни бани топятся ежедневно; и всѣ, пришедши съ работы, «валомъ валить» въ нихъ помыть свое грѣшное тѣло и распарить кости. Бани кореляковъ величиною не

белѣ камъ въ квадратную сажень или полторы... Каменка занимаетъ почти половину, по стѣнамъ узкая скамьи, и подъ каменки высокій полокъ. И представьте себѣ, что въ этой тѣснотѣ помѣщаются человѣкъ 20—30 обоего пола: здѣсь и мужики, и бабы, парни и дѣвушки, и налѣтѣлія дѣти; всѣ хлещутъ себя вѣнками, всѣ парятся до полузабытья. Совѣтское хожденіе въ баню обонѣй подовѣ не ведетъ однако къ случайному прелюбодѣянію. Совершить прелюбодѣяніе въ банѣ, по мнѣнію кореляковъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможенія, всѣ бросаются въ озеро или рѣку—остыть въ холодной водѣ; послѣ холодной ванны, снова начинается пареніе еще съ болѣшимъ ожесточеніемъ; потомъ опять купанье и снова пареніе, и такъ чередуется нѣсколько разъ. Зимой же, послѣ паренія, выбѣгаютъ на улицу, сидѣть на снѣгу, окачиваются холодною водою изъ проруби... Такіе рѣзкие переходы отъ жару къ холodu и отъ холodu къ жару пріучаютъ кореляковъ безвредно переносить всевозможныя перемѣны температуры и застраховываютъ ихъ отъ заболѣваній простудою...

Возвратимся къ прерванному разсказу о «вѣандуйдѣ». Въ старину, по словамъ стариковъ, во время «вѣандуйдѣ» затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровамъ: «за то и хлѣба Богъ давалъ людямъ, когда все точно исполнялось, а теперь, какъ все пошло шиворотъ на выворотъ, то доброго ничего и ждать».. Во время «вѣандуйдѣ» кореляки собираютъ лѣкарственныхъ травы, ломаютъ вѣтви берёзы для вѣнковъ и приносить верескъ и ольху для паренія молочныхъ горшковъ. Изъ лѣкарственныхъ травъ мнѣ удалось узнать:

a) «Урчой нейнэ»,—употребляется при боли въ желудкѣ; траву эту завариваютъ кипяткомъ и пьютъ по иенному на тощакъ; употребляется она также для излечивания отъ призору: на огонь бросаютъ «урчой нейнэ» и дымомъ ея окуриваются.

b) «Равдъ Бобайнэ» — эта трава употребляется, какъ кровостанавливающее средство, при разрѣзахъ; накладывается на рану, и кровь моментально останавливается.

c) «Куувзэнтъ лехти» — отъ чесотки; пьютъ въ заваренномъ видѣ въ кипятѣ и ма- жутъ больныя мѣста.

d) «Айлазъ-нейнэ» — отъ колотья.

e) «Койранъ-ваттоой» (родъ щавеля) — отъ чесотки.

f) «Лутти-нейнэ»,—какъ средство отъ клоповъ.

g) «Збирой» — звѣробой, пьютъ вместо чаю

h) Клеверъ — отъ призора.

i) Цвѣты земляники и малины — завариваютъ и пьютъ, какъ чай.

j) «Туувзэнтъ кобрэ» — рука или пясть вѣтра; растеть на ели и представлять изъ себя густой вѣнчикъ, состоящий изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Употребляется, какъ средство отъ призора. Дѣтей, заболѣвшихъ отъ призора, обдаютъ нѣсколько разъ водой сквозь «туувзэнтъ кобрэ»..

Собравши послѣ «вѣандуйдѣ» эти же самыя травы теряютъ цѣлебныя свойства и свое значеніе. Особенно время «вѣандуйдѣ» важно для дѣвушекъ... Наканунѣ Иванова дня (23-го июня) онѣ собираютъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ вѣники (это впрочемъ дѣлаютъ и иные молодые парни); этими вѣнками онѣ парятся въ банѣ и потомъ бросаютъ въ воду: у которой дѣвушки утонеть, той не бывать скоро замужемъ, или она скоро умретъ; а у которой уплыветъ далеко и не затонетъ, — ту скоро возьмутъ мужъ, или она не умретъ въ этотъ годъ. Потомъ: на канунѣ же Иванова дня вечеромъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ и полагаютъ въ ржаныя поля, принадлежащиа тѣмъ хо- зяевамъ, у которыхъ въ домѣ есть молодой парень, — полотенце, кусочекъ мыла и серебрянную монету. Эти вещи лежать тамъ до самаго кануна Петрова дня. Вся ночь на Петровъ день корельской молодежью проводится безъ сна; въ эту ночь никто изъ нихъ не смыкаетъ глазъ ни изъ минуты. Съ вечера на сейѣ начинаются танцы и различныя игры; парни шутятъ и заигрываютъ съ дѣвушками, ёдятъ прянинки, грызутъ конфекты, и время незамѣтно проходить до полуночи. Въ санью полночь дѣвушки идутъ въ поля и беруть обратно спрятанныя вещи. Собираютъ также цвѣты ржи, который по- томъ хранится въ продолженіи цѣлаго года; онъ, по мнѣнію кореляковъ, привлекаетъ

любовь и дѣлаетъ дѣвушку, носящую его,—во всѣхъ отношеніяхъ мыло, привлекательною, потому-то молодежь женского пола, отправляясь на «бесѣду» или на гуляны, всегда берѣтъ его съ собой, въ кармань. «Купаются»—ползаютъ въ росистой ржи и собираютъ въ чашку росу. Одна дѣвушка «купается» въ одѣждѣ, а другая совершенно голыми. Собранная ночью роса—на утро разбавляется водой и ею умываются, идя въ церковь къ обѣднѣ или на гулянку, чтобы понравиться молодымъ парнямъ. Мыло, полотенце и серебрянная монета, пролежавшія въ полѣ во все времена «вѣандуйдъ»—цѣнныя вещи въ рукахъ корелки-дѣвушки. Онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ пустить о себѣ въ людяхъ хорошую молву—«лемби постай»—и привлечь вниманіе и любовь молодыхъ людей. При умываніи монета опускается въ воду. Дѣвушка умывается мыломъ и утирается этимъ полотенцемъ и послѣ этого—навѣрняка можетъ разсчитывать, что понравится любому парню.

Наступилъ Цетровъ день, ударили въ церковный колоколь къ утренѣ, и всѣ цѣлебныя свойства росы и травъ сразу же уничтожаются. Та же самая трава, кажется, такая же и роса,—да она ужъ бѣже никуда не годится... Потому-то корельская дѣвушка и дорожать такъ временемъ «вѣандуйдъ», временемъ, въ которое можно привлечь къ себѣ не одного молодца...

Какъ присушить парня къ дѣвкѣ... Любовь молодаго человѣка къ дѣвушкѣ возникаетъ, по мнѣнию кореляковъ, не естественнымъ чисто путемъ, какъ чувство здороваго человѣка, а непремѣнно происходитъ при помощи наговоровъ и иашептываній. Начинается любовь при помощи колдовства и наговоровъ и кончается только при содѣйствіи ихъ. Сама собой она не можетъ ни начаться, ни кончиться... Нѣкоторые изъ наговоровъ, при помощи которыхъ дѣвушка можетъ присушить («пашгуттай»—буквально—припечь) къ себѣ парня, мнѣ удалось узнать, хотя и съ большими усилиями и стараніями. Вотъ они: 1) Дѣвушка кладеть къ себѣ въ пазуху живую рыбу и держить ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Во время держанія она постоянно произноситъ: какъ эта рыба умираетъ, такъ точно и такой-то парень пусть по мнѣ умираетъ (куй тѣмѣ кала куоловъ, муга анда Микко минудъ мѣёти куоловъ). Потомъ эту издохшую рыбу запекаютъ въ рыбникѣ и угошаютъ того парня, котораго хотѣть присушить 2) Дѣву «ка отстрѣгать у себя часть волосъ. Эти волосы сожигаетъ на огнѣ со словами: какъ эти волосы горятъ въ огнѣ, такъ точно пусть душа такого-то парня горитъ по мнѣ—что ни день, что ни мѣсяцъ, что ни годъ, а во всю адѣшнюю жизнь (куй наимѣ тукадъ палэтгайнъ тулеэзъ, муга анда Микко неиги палагахъ минудъ, мидѣ пайдъ, мидѣ куувдъ, мидѣ вуоттэ, сійтѣ илмаштъ игайдъ). Зола отъ сожженныхъ волосъ прилипается къ пятю или пищѣ и скармливаетъ я извѣстному парню. 3) Дѣвушка идетъ въ баню, берѣтъ съ собой сковороду, сидя на которой и моется. Мыльная вода, скопившаяся на сковородѣ, нѣсколько разъ вращается около стѣнокъ сковороды со словами: какъ эта вода вращается около сковороды, такъ пусть такой-то парень ходить постоянно около меня (куй тѣмѣ вези ўмбари ріехтилазъ нурорувъ, муга анда Микко ўмбари минуть кавелевъ). Потомъ эту воду приносятъ домой и на ней пекутъ ногоги для присушиваемаго парня. 4) Если парень, котораго хотѣть присушить, ходить къ дѣвушкѣ въ домъ и сидѣть иногда на лавкѣ (въ корельскихъ избахъ вдоль стѣнъ прибиваются широкія лавки), то для «присуха» его достаточно отрѣзать ножомъ кусочекъ дерева съ того кѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, сжечь въ жаратѣ, и этотъ парень придется снова въ домъ къ дѣвушкѣ и полюбить ея. 5) Дѣвушка береть свои регулы и пришиваетъ ихъ къ пищѣ или пятю того парня, котораго намѣренъ присушить. Это средство, хотя и употребляется между кореляками очень часто, по относится къ числу саныхъ «грѣшиныхъ»: «кто изъ дѣвокъ только станетъ такъ колдовать, говорила мнѣ рассказчица, та присушить—присушить парня, но за то «убѣть судьбу» его—«таппава наизъ озанъ», сдѣлавъ его изъѣвѣкъ несчастными; оттого-то и желудочные боли у некоторыхъ мужей (въ корелѣ страдающіе желудочными болями встрѣчаются очень часто), параличъ (параличъ кореляками считается самой страшной болѣзнью, бабы, ругаясь между собою, въ спорѣ, въ числѣ всякихъ пожеланій, непремѣнно посудятъ другъ другу параличъ — «нуллайдайжъ каку синудъ») и др. болѣзни». 6) Дѣвушки

съ матерью или другой женщиной, идеть въ лѣсъ; отыскиваютъ муравейникъ и неподалеку отъ него густой кустъ ивы. Затѣмъ дѣвушка роеть въ срединѣ муравейника яму; раздѣлается до нага и становится въ вырытое углубленіе. Женщина подаетъ ей воду, и она обливается себя. Между тѣмъ въ кустѣ ивы должны быть сдѣланы ходы съ токо предосторожностью, чтобы при этомъ не повредить корней и вѣтвей ивы. Облившись водой, дѣвушка должна пролѣзть сквозь кустъ нагая. Потомъ она одѣвается и идеть домой: «будь хоть стоптѣнія дѣвушка, а «иранется» (т. е. выйдеть замужъ), заключила рассказчица.

Н. Лъсковъ.

Китаби-Коркудъ.

Борьба богатыря съ ангеломъ смерти.

Настоящая книжка Живой Старины (сочиненные 3 и 4 вып.) въ значительной степени посвящена тюркскимъ народностямъ. Въ исполненіе своего давнаго желанія и съ разрѣшеніемъ редактора Записокъ Восточного Отдѣленія И. Р. Археол. Общ. (т. VIII) считаю уместнымъ тутъ же перепечатать (съ выпускомъ тюркскаго текста и изъ которыхъ примѣчаний переводчика молодого нашего ученаго г. Бартольда) это прекрасное, вы-
сокохудожественное произведение тюркской поэзіи. Оно просится въ стихи, и я слышалъ—
одинъ изъ нашихъ поэтовъ, уже подарившій нашей литературѣ нѣсколько весьма удач-
ныхъ стихотвореній въ восточномъ духѣ, собирается передать въ стихахъ эту поэму:
борьба богатыря съ ангеломъ смерти. Ред.

Предлагаемая легенда взята иною изъ турецкой рукописи, хранящейся въ Дрезденской Королевской Библиотекѣ (по каталогу Ф л е й ш е р а № 86); въ Берлинской Библиотекѣ есть копія, сделанная Ди це мъ (Diez), въ началѣ нашего вѣка (по каталогу П е р ч а № 203). Рукопись не датирована; Ф л е й ш е ръ и П е р чъ совсѣмъ не высказываютъ относительно ея древности. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣщено: «годъ смерти Османъ-пашы—993» (1585 г. по Р. Х.), изъ чего можно заключить, что рукопись написана около этого времени или немного позже. Изъ европейскихъ ученыхъ рукописью впервые воспользовался Ди цъ, который въ своихъ «Denkwürdigkeiten von Asien» (Ш, 399 sq.) издалъ въ текстѣ и переводѣ одну легенду, вполнѣ сходную съ греческимъ иносмъ о Полифемѣ. Н ё ль д е к е въ 1859 г. переписалъ всю рукопись и перевелъ значительную часть ея, но, не понявъ многихъ мѣстъ, не отдалъ своего труда въ печать. Въ бытность мою въ Страсбургѣ я, благодаря любезности проф. Н ё ль д е к е, могъ пользоваться этой работой. Мнеъ удалось разобрать нѣсколько больше, чѣмъ Н ё ль д е к е, такъ какъ теперь существуютъ лучшія научныя пособія, чѣмъ въ 1859 г.; но и для меня многое до сихъ поръ остается непонятнымъ. Установить текстъ по одной рукописи всегда трудно, особенно когда имѣешь дѣло съ арханческими языками, со словами и грамматическими формами, которыхъ, по всей вѣроятности, не понималъ самъ перенесчикъ. При изложеніи легенды я буду отыѣвать всѣ мѣста, гдѣ мой переводъ неполонъ и сомнителенъ. Нѣкоторыми цѣнными указаніями я обязанъ академику В. В. Р а д ж о в у и профессору В. Д. Смирнову.

Заглавіе книги: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузбъ». Огузы, какъ известно, были предками нынѣшнихъ туркменовъ; изъ нихъ среди вышли и османы. Книга состоять изъ введенія (пословицы, афоризмы и краткія характеристики) и 12 отдельныхъ эпическихъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ единствѣ поэмъ; имена богатырей, эпитеты, характеристики выраженія постоянно повторяются; постоянно